В9. 567

Проф. Е. П. ТРИФИЛЬЕВЪ.

ИЗБРАНІЕ
Михаила Ѳеодоровича Романова
на ЦАРСТВО.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета 21 февраля 1913 года.

ОДЕССА — 1913.

B9 567

Проф. Е. П. ТРИФИЛЬЕВЪ.

ИЗБРАНІЕ
Михаила Θеодоровича Романова
на ЦАРСТВО.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета 21 февраля 1913 года.

ОДЕССА.
Типографія „ТЕХНИКЪ", Екатерининская 58.
1913.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
548472 V

ИЗБРАНІЕ
Михаила Θеодоровича Романова
на ЦАРСТВО*).

Ровно 300 лѣтъ тому назадъ, 21 февраля 1613 года, въ первое воскресенье Великаго поста, въ только что освобожденной Москвѣ Великій Земскій Соборъ изъ духовенства, бояръ и представителей почти отъ всѣхъ сословій населенія государства избралъ на московскій престолъ Михаила Θеодоровича Романова.

Въ настоящемъ нашемъ торжественномъ собраніи, посвященномъ празднованію исполнившагося сегодня 300-лѣтняго юбилея царствующаго Дома Романовыхъ, наиболѣе умѣстно, мнѣ кажется, вспомнить, почему выборъ палъ именно на Михаила Θеодоровича и при какихъ обстоятельствахъ произошло это избраніе.

---

*) Источниками и пособіями для настоящей рѣчи послужили: Дворцовые разряды, т. I. СПБ. 1850 г. Г. Котошихинъ. О Россіи, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. СПБ. 1859. Окончаніе статьи хронографа кн. Оболенскаго. И. Забѣлинъ. Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ Смутное время. М. 1896. 3 изд. Приложеніе XVII, стр. 229—300. С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. VIII и IX. Изд. Т-ва „Общ. Пользы". Д. Иловайскій. Смутное время Московскаго государства. М. 1894. Латкинъ. Земскіе соборы древней Руси. СПБ. 1885. А. И. Маркевичъ. Избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова. Ж. М. Н. Пр., 1891, 9—10. С. Платоновъ. Очерки изъ исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ. СПБ. 1899. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. М. 1908., ч. III. В. Алексѣевъ. Вопросъ объ условіяхъ избранія на царство М. Θ. Романова. Р. М. 1909, 11. С. Платоновъ. Московское правительство при первыхъ Романовыхъ. Статьи по рус. исторіи. Изд. 2. СПБ. 1912. Его-же. Вопросъ объ избраніи М. Θ. Романова въ русской исторической литературѣ. Ж. М. Н. Пр., 1913, 2. Д. В. Цвѣтаевъ. Избраніе Михаила Θеодоровича Романова на царство. Ж. Мин. Юст., 1913, 1. П. Васенко, проф. С. Θ. Платоновъ, Е. Ф. Тураева-Церетели. Начало династіи Романовыхъ. СПБ. 1912.

Мало найдется въ исторіи періодовъ, которые бы отличались большей запутанностью причинъ, ихъ вызвавшихъ, бо́льшимъ драматическимъ положеніемъ лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, наконецъ, бо́льшей трудностью для изученія, чѣмъ смутный періодъ нашей исторіи.

Начавшись явленіемъ совершенно случайнымъ, прекращеніемъ династіи, развиваясь все болѣе и болѣе, смутная пора втягиваетъ въ себя сначала отдѣльныя личности, затѣмъ цѣлыя сословія, наконецъ, весь народъ. Самыми тяжелыми, невыносимыми годами смуты были послѣдніе три года, мѣтко названные народомъ Лихолѣтьемъ. Это время для Московскаго государства было моментомъ полнаго кризиса. Послѣ сверженія Шуйскаго царя не было, не было и никакой другой политической власти на всемъ пространствѣ государства: боярство съ патріархомъ было заперто вмѣстѣ съ поляками въ Кремлѣ и никакого авторитета, конечно, не могло имѣть въ глазахъ населенія, еще менѣе на такое значеніе для населенія могли претендовать остатки казачества съ Заруцкимъ и Мариной Мнишекъ съ ея „воренкомъ", бывшіе подъ Москвой. Въ это же время Сигизмундъ III взялъ Смоленскъ и отрядилъ часть войска для помощи запертымъ въ Москвѣ полякамъ. Шведы разоряли сѣверныя области и захватили Новгородъ, въ Псковѣ появился третій Лжедимитрій—т. о. весь сѣверо-западъ и западъ—области Новгородская, Псковская, Смоленская—попали въ руки враговъ. Сама Москва оставалась въ ихъ рукахъ, а ополченіе, собранное для ея освобожденія, распалось надъ вліяніемъ внутреннихъ неурядицъ. Всюду бродили шайки поляковъ и казаковъ—донскихъ и запорожскихъ, мучили и грабили беззащитное населеніе.

„И было тогда, говоритъ современное сказаніе, такое лютое время Божія гнѣва, что люди и не чаяли впереди спасенія себѣ. Чуть не вся земля русская запустѣла... была на русскую землю такая бѣда, какой не бывало съ начала міра: великій гнѣвъ Божій на людяхъ, глады, моры, зябели на всякій плодъ земной. Звѣри пожирали живыхъ людей и люди людей ѣли. Плѣненіе было великое людямъ. Жигимонтъ, польскій король, все московское государство велѣлъ предать огню и мечу, ниспровергнуть всю красоту

благолѣпія земли русской". И въ этомъ свидѣтельствѣ современника мы не можемъ сомнѣваться: иностранцы, пріѣзжавшіе въ Московію послѣ смуты, вскорѣ по воцареніи Михаила Ѳедоровича, рисуютъ намъ страшную картину опустѣлыхъ или сожженныхъ селъ и деревень съ заброшенными избами, которыя были наполнены еще неубранными трупами. Смрадъ вынуждалъ зимнихъ путниковъ ночевать на морозѣ.

Передъ всѣми вставалъ одинъ вопросъ, вопросъ неотложный и роковой, что дѣлать, и никто пока не могъ на него дать отвѣта. Спасеніе явилось съ востока. Вѣсти о тяжелыхъ неудачахъ и общихъ страданіяхъ, распространяясь всюду, въ восточной части государства, гдѣ не было внѣшнихъ враговъ, вызвали среди населенія необычную и напряженную политическую самодѣятельность. Города пересылаются между собою грамотами, въ которыхъ дѣлятся другъ съ другомъ вѣстями, полученными изъ Москвы, объ общемъ состояніи государства, уславливаются, какъ имъ самимъ поступать на будущее время: „быть въ совѣтѣ и единеніи", охранять общественный порядокъ, не принимать новой администраціи, не вѣрить казакамъ и не вступать съ ними ни въ какія сношенія. Весь сѣверъ и сѣверо-востокъ, говоритъ одинъ изслѣдователь, находились тогда въ состояніи какого-то духовнаго напряженія и просвѣтленія, какое является въ массахъ въ моментъ великихъ историческихъ кризисовъ.

За нравственнымъ подъемомъ послѣдовало политическое прозрѣніе. Когда на чашу вѣсовъ была поставлена самая судьба Московскаго Царства, обликъ этого царства съ его создавшимся вѣками величіемъ, съ его историческими традиціями, славнымъ прошлымъ — восторжествовалъ въ умахъ и въ сердцахъ русскихъ людей надъ тѣми тяготами, которыя терпѣли они во имя этого царства.

Во всѣхъ городахъ возникаютъ совѣты, которые становятся во главѣ движенія мѣстного населенія и, что особенно интересно, среди этихъ мѣстныхъ міровъ не слышно ни одного голоса за возвращеніе къ старой мѣстной самостоятельности, напротивъ, все болѣе общимъ достояніемъ становится мысль, что за вѣру, за родину нужно бороться всѣмъ сообща, и бороться не только съ внѣшними

врагами, но и съ внутренними—съ казачествомъ. Наиболѣе типичными представителями этой мысли являются лучшіе люди этой эпохи—Гермогенъ, Діонисій, Мининъ, кн. Пожарскій, гиганты нравственной силы, замѣчательные политическіе дѣятели, съ удивительной прозорливостью намѣтившіе всю политическую программу, какъ Гермогенъ, съ поражающей настойчивостью проведшіе ее на дѣлѣ, какъ Мининъ.

Я не буду останавливаться на всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствахъ возникновенія движенія въ Нижнемъ Новгородѣ, укажу только, что начало ему было положено грамотой не Троице-Сергіевой Лавры, стоявшей за союзъ земскаго ополченія съ казаками, а патріархомъ Гермогеномъ, который предостерегалъ именно отъ такого союза, считая, и совершенно справедливо, казаковъ главными врагами земскихъ людей. Ко времени движенія Нижегородскаго ополченія къ Москвѣ общее признаніе уже получила мысль: ...„безъ государя ни на малое время быть не мочно“.

При такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ быстро развертывавшейся политической и соціальной жизни, все сильнѣе и настойчивѣе укрѣпляется мысль объ образованіи такого общаго совѣта, въ которомъ сошлись бы „всѣхъ чиновъ“ люди изъ всѣхъ областей государства и который взялъ бы въ свои руки судьбы цѣлой страны, а прежде всего—избраніе государя. Яркимъ выразителемъ этого общественнаго настроенія явился избирательный земскій соборъ 1613 г.

Земскіе соборы XVII в. значительно отличаются и по своему составу и по значенію отъ соборовъ XVI в. Въ то время какъ на соборы XVI в. призывались должностныя лица, органы центральнаго и мѣстнаго управленія, и засѣданія соборовъ представляли совѣщанія правительства со своими агентами, земскіе соборы XVII в. вполнѣ реализовали въ своемъ составѣ идею народнаго представительства, идею, выросшую въ общественномъ сознаніи подъ вліяніемъ созданныхъ смутой условій.

Необходимость для населенія при отсутствіи центральной правительственной власти самостоятельнаго образа дѣйствій заставила общество принимать прямое участіе въ об-

щественныхъ дѣлахъ, отсюда наиболѣе близкими понятіями дѣлаются *совѣтъ всей земли*, *общій земскій совѣтъ*, *всенародное собраніе*, *дума міромъ*.

Уже на соборахъ 1598, 1605, 1610 г.г. замѣтно присутствіе выборныхъ, избирательный же соборъ 1613 г. можно признать первымъ достовѣрнымъ опытомъ дѣйствительнаго народнаго представительства.

Сейчасъ же по взятіи и очищеніи Кремля были разосланы грамоты „о сбираніи государскомъ и о совѣтѣ, кому быть въ Московскомъ государствѣ, въ Сибирь, и въ Астрахань, и въ Казань, и въ Нижній Новгородъ, и на Сѣверу, и во всѣ городы Московскаго государства". Грамоты обращались къ освященному собору, къ боярамъ, къ воеводамъ, къ дворянамъ, къ гостямъ, къ посадскимъ, и ко всякимъ служилымъ, и къ жилецкимъ, и къ уѣзднымъ людямъ, чтобы изо всѣхъ городовъ и изо всѣхъ чиновъ послали къ Москвѣ для земскаго совѣта и для государскаго избранія „лучшихъ, крѣпкихъ и разумно-постоятельныхъ людей", по 10 человѣкъ, въ иныхъ грамотахъ—„по скольку человѣкъ пригоже". Съ дѣломъ избранія царя тревожно спѣшили: выборы представителей должно было производить немедленно, „мимо иныхъ всякихъ дѣлъ".

На избирательномъ соборѣ были представлены около 50 городовъ и уѣздовъ Московскаго государства, въ избраніи царя приняли участіе всѣ области страны и всѣ группы населенія, кромѣ частновладѣльческаго крестьянства и холоповъ. По своему составу соборъ 1613 г. былъ наиболѣе полнымъ изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ. Онъ былъ также и многолюденъ: на немъ было до 700 челов., почему засѣданія его часто происходили въ Успенскомъ соборѣ.

Наконецъ, соборъ открылъ свои дѣйствія установленіемъ трехдневнаго поста не только для членовъ собора и москвичей, но и по всей Россіи для всѣхъ православныхъ христіанъ, по свидѣтельству Авраамія Палицына. Потребность во внутреннемъ очищеніи, въ нравственномъ подъемѣ станетъ для насъ понятна, если мы представимъ себѣ душевное состояніе участниковъ собора, на которыхъ лежала такая громадная по важности и отвѣтственности задача: избрать царя и возстановить династію въ согласіи съ луч-

шими преданіями, соотвѣтственно съ русскимъ идеаломъ царя, съ основными началами народной жизни.

По окончаніи поста начались совѣщанія. Первымъ былъ поставленъ на соборѣ вопросъ, выбирать ли царя изъ иноземныхъ королевскихъ домовъ; его рѣшили отрицательно: ни польскаго, ни шведскаго королевича, постановляетъ соборъ, ни иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и ни изъ какихъ неправославныхъ государствъ на Московское государство не выбирать „за ихъ многія неправды", какъ не выбирать и „Маринкина сына". Затѣмъ соборъ приступилъ къ опредѣленію кандидатовъ изъ великихъ русскихъ родовъ, по выраженію современника. Но это было нелегкимъ дѣломъ. „По многіе дни, говоритъ лѣтописецъ, бысть собранія людямъ, дѣла же утвердити не могутъ, и всуе мятутся сѣмо и овамо". У другого современника читаемъ: „Многое было волненіе людямъ, кійждо бо хотяще по своей мысли дѣяти". Придумывали, кого бы выбрать, перебирали великіе роды, но ни на комъ не могли остановиться, и такъ потеряли не мало дней.

Изъ числа представителей великихъ родовъ четыре было лица, о которыхъ, какъ о кандидатахъ на царскій престолъ, поднималась рѣчь: бояре князья Мстиславскій, Голицынъ, Воротынскій и Шуйскій.

Кн. Мстиславскій, занимавшій по знатности рода первенствующее положеніе среди всей московской знати, родственникъ угасшей династіи по женской линіи, наиболѣе вѣроятный кандидатъ на престолъ въ 1606 и 1610 г.г., отъ котораго тогда самъ отказался, въ 1613 г. былъ сильно скомпрометированъ сношеніями съ поляками въ пору междуцарствія и потому потерялъ народное расположеніе.

Князья Голицыны, обрусѣвшая вѣтвь Гедиминовичей, стояли также въ первомъ ряду великихъ русскихъ родовъ. Бывшій на лицо представитель этой фамиліи, кн. Ив. Голицынъ, скомпрометировалъ себя, какъ и Мстиславскій, подозрительными сношеніями съ поляками да и по личнымъ качествамъ своего характера имѣлъ много враговъ.

Кн. Воротынскій, вышедшій изъ смуты съ незапятнанной репутаціей, имѣлъ многочисленныхъ сторонниковъ, но энергичному проведенію его кандидатуры мѣшали его преклонный возрастъ и отсутствіе годнаго преемника.

Не менѣе сторонниковъ имѣлъ и кн. И. И. Шуйскій, но ему воспрепятствовало то соображеніе, что онъ будетъ опасенъ, такъ какъ не будетъ въ состояніи забыть, что его двоюродный братъ, Вас. Ив. Шуйскій, былъ свергнутъ съ престола.

Были еще два лица, имена которыхъ называли въ числѣ кандидатовъ, это были кн. Трубецкой, начальникъ казаковъ, и кн. Пожарскій, предводитель земскаго ополченія. Личныя заслуги создали высокое положеніе обоимъ начальникамъ освободившей Москву рати. Но натянутыя, даже враждебныя отношенія между казачествомъ и земщиной не допускали ни той, ни другой кандидатуры. Да при томъ, если кн. Трубецкой и обнаруживалъ притязанія на престолъ, невозможность удовлетворить которыя онъ и самъ понималъ, то о кн. Пожарскомъ, если отбросить очень сомнительныя по достовѣрности свидѣтельства, этого никакъ сказать нельзя, слишкомъ въ большомъ противорѣчіи стояли бы такія притязанія съ его горячей любовью къ родинѣ, съ его скромностью, съ его пониманіемъ истиннаго положенія дѣлъ въ государствѣ.

О возникновеніи кандидатуры въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова сохранилось нѣсколько свидѣтельствъ, изъ нихъ хронографъ разсказываетъ, какъ послѣ долгихъ разсужденій на многочисленныхъ засѣданіяхъ собора, сомнѣній, колебаній, когда всѣ указанные кандидаты не были приняты, и соборъ въ тревожномъ недоумѣніи снова стоялъ передъ открытымъ вопросомъ, кого же выбрать на престолъ, кн. Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, обращаясь къ собору, спросилъ: „Станемъ у Всещедраго Бога милости просить, дабы намъ далъ Самодержателя всей Россіи. Подайте намъ совѣтъ: есть ли у насъ царское прирожденіе?“ И на этотъ вопросъ „вси умолчаша“. Просили только дать до утра срокъ для отвѣта на этотъ вопросъ. Утромъ одинъ дворянинъ города Галича предложилъ собору выпись, въ которой указывалъ какъ на лицо царскаго происхожденія на Михаила Ѳеодоровича, находившагося въ родственныхъ отношеніяхъ съ угасшимъ царскимъ родомъ. Вслѣдъ за дворяниномъ изъ Галича выступилъ на соборѣ славнаго Дону атаманъ и предложилъ собору такую же выпись. „Кн. По-

жарскій, разсказываетъ далѣе хронографъ, будто спросилъ его: „Атамане, какое Вы писаніе предложили?“ Атаманъ отвѣчалъ: „О природномъ государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ“. ....„и бысть у всѣхъ согласенъ и единомышленъ совѣтъ“.

Если мы, отбросивъ легендарныя подробности, вдумаемся въ сущность этого разсказа, то поймемъ, что болѣе всего кандидатура Михаила Ѳеодоровича была поддержана обоими первенствующими на соборѣ элементами—земскимъ и казацкимъ. Эта кандидатура имѣла тотъ смыслъ, что мирила въ самомъ щекотливомъ пунктѣ двѣ еще не вполнѣ примиренныя общественныя силы. На этомъ имени сходятся всѣ выборные. Авраамій Палицынъ передаетъ, что къ нему приходили съ именемъ Михаила Ѳеодоровича на устахъ и дворяне, и дѣти боярскія, и гости многихъ городовъ, и атаманы, и казаки.

7 февраля происходили предварительные выборы царя: соборъ въ первыхъ своихъ засѣданіяхъ раздѣленный на враждебныя, казалось, непримиримыя партіи, изъ которыхъ каждая выставляла своего кандидата, съ ожесточеніемъ набрасывавшіяся другъ на друга, послѣ того какъ кандидатуры всѣхъ предшествовавшихъ претендентовъ были отвергнуты, заканчиваетъ свои засѣданія въ полнѣйшемъ единеніи, мирѣ и тишинѣ среди выборныхъ, такъ какъ всѣ партіи сливаются въ одну и, начиная съ митрополитовъ и бояръ и кончая „ссущими младенцами“, всѣ сходятся „на благоцвѣтущей и неувядаемой отрасли царскаго благороднаго корени“, на Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ. Чѣмъ объяснить такую популярность этого имени?

Наиболѣе реальнымъ, для всѣхъ понятнымъ, мотивомъ служило родство Романовыхъ съ прежней династіей; въ глазахъ народа Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ „природный“ царь: дѣдъ его Никита Романовичъ былъ роднымъ братомъ Анастасіи Романовны, первой супруги Грознаго и матери послѣдняго Рюриковича на престолѣ; это былъ единственный бояринъ XVI в., оставившій по себѣ добрую память въ народѣ: его имя запомнила народная былина, изображая его въ своихъ пѣсняхъ о Грозномъ благодушнымъ посредникомъ между народомъ и царемъ. Во время своей долгой службы онъ сдѣлался очень популяренъ и среди казачества, надъ устройствомъ котораго онъ много поработалъ. Старшій его сынъ

Ѳеодоръ былъ очень добрый и ласковый бояринъ, щеголь и очень любознательный человѣкъ.

Популярность Романовыхъ, пріобрѣтенная ихъ личными качествами, не позволила этой единственной нетитулованной боярской фамиліи потонуть въ потокѣ новыхъ титулованныхъ слугъ, нахлынувшихъ къ Московскому двору съ половины XV в. Эта популярность особенно усилилась отъ гоненій, какому подверглись сыновья Никиты Романовича при подозрительномъ Годуновѣ; Палицынъ даже ставитъ эти гоненія въ число тѣхъ грѣховъ, за которые Богъ покаралъ Землю русскую смутой. Несчастья, испытанныя при этомъ Романовыми, поднимали новую волну горячаго сочувствія къ нимъ народа и закрѣпили это сочувствіе за ними. Глава ихъ, митрополитъ Филаретъ, съумѣлъ сохранить свое положеніе, „не преклонился ни на десно, ни на лѣво", а за время пребыванія своего въ Тушинѣ пріобрѣлъ расположеніе казацкихъ таборовъ, расположеніе, которое сыграло очень видную роль въ дѣлѣ избранія его сына на царство.

Народъ, пережившій въ смутную эпоху такъ много бѣдъ, видѣлъ въ страданіяхъ Романовыхъ какъ бы связь со своими бѣдами. Филаретъ, напр., много вытерпѣлъ въ качествѣ члена Великаго Посольства къ Сигизмунду, защищая интересы государства и православной вѣры противъ польскихъ притязаній; самъ Михаилъ не мало выстрадалъ за время пребыванія своего съ матерью въ Москвѣ подъ надзоромъ поляковъ.

Популярности фамиліи Романовыхъ много должно было содѣйствовать еще и то обстоятельство, что ихъ хорошо зналъ народъ, какъ очень крупныхъ помѣщиковъ, владѣнія которыхъ лежали во многихъ частяхъ государства: Никита Романовичъ въ двухъ только уѣздахъ — Московскомъ и Коломенскомъ — владѣлъ нѣсколькими тысячами десятинъ земли, такія же обширныя владѣнія его были въ восточной части Замосковья, въ мѣстностяхъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Москвы, въ Новгородскомъ краѣ, въ южныхъ уѣздахъ.

Наконецъ, нужно вспомнить еще одно обстоятельство, не оставшееся безъ вліянія на избраніе Михаила Ѳеодоровича, его юность, его 16 лѣтъ—которые оберегли его отъ личной враж-

ды, личныхъ враговъ, позволили ему остаться чистымъ отъ пѣны Смутныхъ годовъ, нравственно высокимъ, благороднымъ.

Вотъ почему въ моментъ общаго національнаго и нравственнаго подъема могли всѣ добровольно и единодушно склониться передъ тѣмъ, кто по общему сознанію являлся олицетвореніемъ желаннаго идеала.

Соборъ дѣйствовалъ очень осторожно: избравъ 7 февраля Михаила Ѳеодоровича, соборъ торжественное провозглашеніе избранія отложилъ на двѣ недѣли: за это время было послано приглашеніе боярамъ, уѣхавшимъ изъ Москвы послѣ изгнанія оттуда поляковъ, возвратиться поскорѣе въ Москву, чтобы принять участіе въ избраніи, кромѣ того по всѣмъ городамъ отправили тайно „вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей разузнать во всякихъ людяхъ мысли ихъ про государево обираніе“.

Отвѣты, привезенные посланными, свидѣтельствовали о глубокомъ и единодушномъ народномъ сочувствіи къ избраннику собора. 21 февраля утромъ въ Успенскомъ соборѣ, послѣ молебствія, приступили къ избранію. Михаилъ былъ избранъ единогласно. Народъ въ отвѣтъ на объявленіе ему на Красной площади результатовъ избранія, „яко отъ единыхъ устъ, всѣ возопиша: Михайло Ѳеодоровичъ да будетъ царь и государь Московскому государству и всея Рускія державы“!

Здѣсь умѣстно остановиться на одномъ вопросѣ изъ интересующихъ насъ, вопросѣ, занявшемъ видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ: получилъ ли Михаилъ Ѳеодоровичъ всю полноту самодержавной власти или ему были поставлены при самомъ избраніи условія, ограничивавшія его власть. Этотъ вопросъ возникъ впервые въ 30-хъ г.г. XVIII стол., когда члены Верховнаго Тайнаго Совѣта задумали ограничить власть императрицы Анны Ивановны. Татищевъ тогда написалъ записку въ защиту самодержавной власти и вспоминаетъ въ ней о подобныхъ же попыткахъ ограниченія власти Василія Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича. Имѣются еще два русскихъ свидѣтельства, подтверждающихъ это извѣстіе, оба XVII в.: псковская лѣтопись и Котошихинъ. Подробности, съ которыми сообщаетъ лѣтопись извѣстіе объ ограниченіи власти Михаила Ѳеодоровича, невольно подры-

ваютъ довѣріе къ сообщенію, которое авторъ дѣлаетъ на основаніи слуховъ, дошедшихъ до него въ Псковъ. Такъ, напр., онъ говоритъ о присягѣ, которую будто далъ Михаилъ въ соблюденіи этихъ ограниченій, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ ни о какой отдѣльной присягѣ не было и рѣчи.

Котошихинъ въ своемъ сочиненіи: О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича также сообщаетъ объ ограниченіи власти юнаго царя, но приводитъ извѣстіе объ этомъ въ такой неопредѣленной формѣ, которая даетъ основаніе сдѣлать заключеніе объ отсутствіи такого ограниченія.

Есть еще извѣстіе объ этихъ ограничительныхъ условіяхъ у иностранныхъ писателей: у Страленберга, Факеродта, Миниха-сына и Шмидта Физельдека, но самостоятельнымъ является одинъ только первый писатель, остальные заимствуютъ свои свѣдѣнія одинъ у другого и поэтому ихъ показанія значенія не имѣютъ, такъ какъ всѣ они могутъ быть возведены къ первоначальному источнику, которымъ для нихъ является Страленбергъ. Страленбергъ, первый пустившій въ оборотъ извѣстіе объ ограничительныхъ условіяхъ, былъ шведъ, попавшій въ плѣнъ во время Полтавской битвы, былъ сосланъ въ Сибирь и послѣ заключенія Ништадтскаго мира возвратился въ Швецію. По дорогѣ, въ Москвѣ, онъ собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ числѣ послѣднихъ былъ слухъ и объ ограниченіяхъ. Такимъ образомъ, эти извѣстія собирались въ русскомъ обществѣ больше, чѣмъ черезъ 100 лѣтъ послѣ избранія Михаила Ѳеодоровича. Ни о какой точности въ передачѣ факта не можетъ быть и рѣчи. Страленбергъ познакомился не съ русскими документами XVII в., а съ русскими преданіями XVIII в. „По разсказамъ Страленберга, говоритъ совершенно справедливо проф. Платоновъ, можно поэтому судить не о томъ, что дѣйствительно было на Руси въ началѣ XVII в., а только о томъ, какъ современные Страленбергу русскіе люди представляли себѣ то, что происходило за 100 лѣтъ до нихъ“.

Въ виду такой несостоятельности источниковъ, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія объ ограничительныхъ условіяхъ, наша историческая наука приходитъ къ выводу, что этихъ условій совершенно не было и не могло быть: некому

было даже и ставить такихъ ограниченій: древняя московская знать или погибла въ буряхъ смутнаго времени и Московскаго разоренія, или была такъ скомпрометирована, что и думать не могла о подобныхъ выступленіяхъ.

Проф. Платоновъ стоитъ вполнѣ на указанной отрицательной точкѣ зрѣнія по отношенію къ самому факту возможности существованія ограничительныхъ условій. „Мы думаемъ, говоритъ онъ, что легче объяснить происхожденіе преданій объ условіяхъ, чѣмъ доказать ихъ дѣйствительное существованіе". Но въ этой формулировкѣ вопросъ объ ограниченіяхъ выходитъ за предѣлы намѣченной нами темы и пріобрѣтаетъ интересъ уже исключительно исторіографическій.

Также отрицательно къ этому извѣстію объ ограниченіи власти Михаила Ѳеодоровича относится и Д. В. Цвѣтаевъ: „Не легко, говоритъ онъ, даже предположительно, указать моментъ, когда могли бы завязаться переговоры о формальномъ ограниченіи власти новаго царя и съ увѣренностью назвать лицъ, которыя бы вели эти переговоры. Практика правительственной дѣятельности въ царствованіе Михаила не даетъ безспорныхъ свидѣтельствъ въ пользу существованія ограничительныхъ условій. Въ содержаніи утвержденной грамоты объ избраніи, подписанной и членами боярской думы, трудно найти для нихъ мѣсто" [1]).

Михаилъ Ѳеодоровичъ вступилъ на престолъ во всей полнотѣ власти; ни у него, ни у современниковъ не было и мысли, что онъ ограниченнѣе своихъ прародителей.

Послѣ избранія царемъ Михаила Ѳеодоровича соборъ постановилъ отправить къ нему и къ матери его, инокинѣ Марѳѣ, посольство для умоленія вновь избраннаго царя принять престолъ.

Во главѣ посольства стояли Ѳеодоритъ, архіепископъ Рязанскій и Муромскій, Авраамій Палицынъ, бояре Шереметевы, кн. Бахтеяровъ-Ростовскій, нѣсколько архимандритовъ, бояръ и рядъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Соборомъ посольству была дана подробная инструкція, какъ вести себя, какъ просить, что отвѣчать на возможныя со стороны матери и сына возраженія по поводу избранія. Донесенія

---

[1]) Д. В. Цвѣтаевъ, стр. 84, прим. 1.

въ Москву о выполненіи посольствомъ порученія собора рисуютъ передъ нами слѣдующія картины.

Посольство въ Кострому прибыло 13 марта вечеромъ. На слѣдующій день, 14 марта, посольство, въ сопровожденіи крестнаго хода изъ Костромы подошло къ воротамъ Ипатьевскаго монастыря, на встрѣчу выступили мать и сынъ. Архіепископъ Ѳеодоритъ и бояринъ Шереметевъ обратились къ нимъ съ рѣчами. Михаилъ, услышавъ „моленіе", „отрицашеся со многими слезами и рыданіемъ и гнѣвомъ"; мать плача также отказывалась благословить сына; едва умолили ихъ войти вмѣстѣ съ посольствомъ въ соборъ. Здѣсь члены посольства возобновили свои просьбы.

Въ отвѣтъ на нихъ Мареа, а за ней и Михаилъ снова повторили свой отказъ: Мареа указывала посольству на молодость Михаила, на то, что Московскаго государства многіе люди въ крестномъ цѣлованіи стали несостоятельны; всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались, давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили, государство разорено, ни казны, ни земли для служилаго люда нѣтъ и нечѣмъ отъ враговъ государство оборонять; отецъ Михаила, митрополитъ Филаретъ, въ плѣну у поляковъ; узнаетъ польскій король объ избраніи сына на престолъ, „тотчасъ велитъ какое зло учинить" да и сынъ не можетъ получить благословенія отца на такое великое дѣло. Долго пришлось посольству склонять къ согласію мать и сына. Оно указывало, что опасенія ихъ не основательны: теперь „Московскаго государства люди наказалися, пришли въ разумъ", поняли силу братства и единенія; если Михаилъ откажется, враги и измѣнники порадуются, что „мы сиры и безгосударны", и новыя бѣдствія обрушатся на страну. Только черезъ 6 часовъ инокиня Мареа „царское свое сердце на милость преложи" и сказала, что „ради многихъ моленій всего православнаго хрестіанства она даетъ сына своего, свѣта очей своихъ, на царство". Согласіе матери понудило и Михаила дать свое согласіе.

Хотя обычай того времени и требовалъ, чтобы согласіе не сразу изъявлялось на принятіе какого либо почетнаго предложенія, но вдумываясь глубже въ эту полную драматизма сцену моленія о принятіи царства, мы увидимъ, что

здѣсь дѣло шло не только о соблюденіи приличія. Сквозь него отчетливо для насъ проступаетъ, между строкъ оффиціальнаго отчета мы ясно читаемъ, какъ много душевной муки должна была пережить въ этотъ рѣшительный моментъ старица Марѳа, прежде чѣмъ дать свое согласіе. По монашескому одѣянію это была инокиня, но она была мать, она была жена, мужъ которой томился въ плѣну, участь его роковымъ образомъ сплеталась съ судьбой сына. А сынъ?! Что будетъ съ сыномъ, котораго заставляли ее собственными ея руками толкать въ будущее, чреватое такими страшными опасностями, которыя перенести и взрослому человѣку было едва ли въ пору. По словамъ одного хронографа, Марѳа, отвѣчая посольству, говоритъ между прочимъ: „А сынъ мой еще въ младыхъ летехъ, а время днесь обуреваемо, яко море волнами великими покрывается". И сюда, въ эти волны великія, требовали, чтобы мать своими руками бросила сына. Въ памяти всплываютъ въ это время ужасы смутной эпохи, убійство Лжедимитрія, сверженіе Василія, измѣны, кровь... Дрогнуло сердце матери и въ тоскѣ, въ сердечной тревогѣ она обнимаетъ своего сына, она плачетъ, она съ гнѣвомъ отказывается благословить сына на царство, отдать его, еще такого юнаго, нѣжнаго, такъ горячо любимаго и любящаго неизвѣстнымъ людямъ, которые можетъ быть уже уготовили ему такую же участь, какую испытали его ближайшіе предшественники!

Самъ Михаилъ по своей молодости можетъ быть не сознавалъ въ полной мѣрѣ всѣхъ послѣдствій этого поворота въ его судьбѣ, но скорбь матери, но неизвѣстность о судьбѣ отца и естественныя опасенія за эту судьбу привели и его душу въ состояніе крайняго смятенія. Но члены посольства все настойчивѣе домогаются согласія матери и сына, и послѣдніе, наконецъ, вынуждены уступить.

Съ радостнымъ умиленіемъ было встрѣчено согласіе Михаила Ѳеодоровича принять царство и чинами посольства, и всѣмъ населеніемъ государства, когда вѣсть о немъ распространилась всюду.

Такъ совершилось дѣло царскаго избранія „по Божію устроенію и по приговору всея земли".

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
548472

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1. Очерки изъ исторіи промышленности Слободской Украины (Харьков. Сборникъ Ист.-фил. общества 1894 года и отд.).

2. Николай Ивановичъ Новиковъ, какъ педагогъ. По поводу 150-лѣтія со дня рожденія Н. И. Новикова (Харьков. Сборн. Ист.-фил. об-ва 1896 г. и отд.).

3. Къ біографіи В. Н. Каразина. Попытка бѣгства за границу (Записки Импер. Харьков. Унив. 1901 г. и отд.).

4. Археологич. экскурсія въ Купянскій уѣздъ Харьков. губ. (Труды XII Арх. съѣзда въ Харьковѣ и отд.).

5. Курганы съ каменными бабами Купянск. уѣзда Харьков. губ. (Труды XII Арх. съѣзда и отд.).

6. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи. Царствованіе Императора Павла Перваго. Харьковъ, 1904 г.

7. Археологич. экскурсія въ Маріупольскій уѣздъ Екатерин. губ. (Труды XIII Арх. съѣзда въ Екатеринославѣ и отд.).

8. Отвѣтъ г. Павлову-Сильванскому на рецензію о книгѣ: Очерки изъ исторіи крѣпост. права въ Россіи (Ж. М. Н. Пр. за 1905 г., окт. и отд.).

9. Въ ссылкѣ. Къ біографіи В. Н. Каразина. (Харьков. Сборникъ Ист.-фил. об-ва 1908 г. и отд.).

10. Тридцатилѣтіе научно-педагогической дѣятельности проф. Сергѣя Ѳеодоровича Платонова (Лѣтопись Ист.-фил. об-ва при Новорос. Унив. за 1913 г. и отд.).

11. Новыя культурныя теченія въ Московскомъ государствѣ въ XVII вѣкѣ. Актовая рѣчь. (Отчетъ о состояніи Новороссійскаго Унив. за 1912 г. и отд.).

12. Къ біографіи В. Н. Каразина. Дѣло о закладной. (Харьков. Сборн. Ист.-фил. о-ва 1913 г. и отд.).